

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI 10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270

Научная статья

**Автохтонная синергия
русского художественного дискурса**

Н.Ф. Алефиренко¹, М.Б. Нуртазина²✉, З.Х. Шахпутова²

¹*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85*

²*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, 010008, Нур-Султан, ул. Сатпаева, д. 2*

✉ nurtazina_mb@enu.kz

Аннотация. Цель исследования – описать конвергентный эффект взаимодействия нескольких смыслообразующих каналов языкового сознания, когда их совместное нелинейное воздействие существенно превосходит суммарный потенциал отдельных элементов дискурсивной деятельности. Предметом изучения стали тексты писателей русского Черноземья. Актуальность проводимого анализа заключается в том, что обнаруживается и оценивается роль сопряженной работы креативного и рецептивного сознаний, формирующих два уровня автохтонного текстопорождающего дискурса: имманентного и репрезентативного. Доказывается, что приводным механизмом автохтонного текстопорождения служит синергетика дискурсивно-модусного концепта – феномена нелинейной дискурсивной деятельности. Обосновывается идея о том, что погружение в синергичную архитектуру дискурсивно-модусного концепта открывает путь к осмыслению игрового начала языкового сознания автора: его способности через систему содержательных (эстетических, модальных, экспрессивных и т. д.) и формальных языковых средств уникально, нетривиально и творчески воплощать свой стратегический замысел. Предлагается компромиссное решение различать синергию авербальных (наивных, обыденных, народных понятий, не подвергшихся еще процессам лингвокреативного семиозиса) и вербальных (оязыковленных) концептов. Это послужило основанием реализовать в статье лингвоэпистемный подход к региональному русскому художественному концепту, который позволяет осуществить конвергентную синергию концептов двух типов, тем самым способствует пониманию художественного дискурса в качестве когнитивного основания процесса текстопорождения.

Ключевые слова: русский художественный дискурс, текст, автохтонная синергия, региональный концепт, дискурсивное сознание, русская самобытная лингвокультура

История статьи: поступила в редакцию 05.04.2021; принята к печати 18.06.2021.

© Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Шахпутова З.Х., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Шахпутова З.Х.* Автохтонная синергия русского художественного дискурса // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 253–270. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270>

Введение

Художественный дискурс (ХД) – целостный продукт речемыслительной деятельности двух сознаний (креативного и рецептивного), виртуальная модель порождаемого текста. Первое принадлежит автору русского художественного текста (РХТ), обеспечивая его многостороннюю деятельность по воплощению мысли в текст; второе – воспринимающему субъекту (читателю, слушателю или обучаемому). Избрание принципа антропоцентризма в качестве методологического остова исследования обусловлено сущностью дискурсивного сознания (Алефиренко, 2019: 14; Алефиренко, Шахпутова, 2020). Воплощение мысли в текст осуществляется дискурсивным сознанием с помощью некоего моделирующего механизма предтекстового характера.

В центре словесно-художественного пространства дискурсивного мышления находится человек: сам реципиент (слушатель или читатель), автор и персонажи в том или ином предметном окружении. Иными словами, словесно-художественное пространство, будучи заполненным людьми и вещами, предметно и антропоцентрично. Данный принцип предполагает актуализацию такой важной для словесно-художественного творчества категории, как автохтонное креативное дискурсивное сознание. Такое сознание текстопорождающего субъекта опирается на этноязыковую автохтонность, спонтанно встроенную в эпистему (Алефиренко, 2019), культурно-познавательное априори, задающее условия формирования лингвоэтнокультурной архитектуры текста.

Рецептивное сознание опирается на эвристические свойства автохтонной эпистемы в интерпретации воспринимаемого текста. Эвристическая сила эпистемы исходит из ее «трансфинитной» (transfinit; от лат. trans – ‘изменение’ и finis – ‘конец’) природы восприятия текста. Иначе говоря, трансфинитное восприятие текста безгранично и бесконечно, обусловлено изменениями языкового сознания (Людвиг, 2003: 14–37; Миллер, 2000; Филипс, Йоргенсен, 2004; Chrzanowska-Kluczevska, 2017; McCarthy, Goldman, 2019; Hirsch, 2005), например под влиянием аффективного фона восприятия текста.

Таким образом, креативное (авторское) и рецептивное (читательское) сознания содержат эвристический механизм порождения и смыслового восприятия РХТ. Такого рода синергийный механизм, состоящий из гетерогенных (вербальных и невербальных) систем, образует эвристические и рецептивные лингвоэпистемы, порождающие единую (целостную) модель коммуникативного события (КС). «Строительным материалом» такой текстопорождающей модели служат: а) автохтонная система родного русского языка; б) умозрительное построение КС.

Синергия регионального художественного дискурса является результатом конвергенции нескольких текстообразующих механизмов, превосходящей всю совокупность отдельно взятых истоков дискурса. Сама самобытная

синергия обуславливает уникальность этнокультурной обусловленности художественной картины мира. Благодаря своей синергии региональный дискурс рельефно и оригинально конструирует образное воплощение КС в РХТ.

В силу таких особенностей синергического дискурса образная канва дискурсивно порождаемого РХТ эксплицирует идиостилистический портрет художника слова. Содержание синергического дискурса включает все то, что образует ценностно-смысловое ядро любого этнически маркированного текста. Синергия регионального дискурса синтезирует «личностные тезаурусы» отдельных краевых писателей в единый когнитивно-прагматический модуль словесно-образной реализации этнической виртуальности (задатков, способностей, возможностей жизненно важных представлений), особенностей художественного воплощения региональной картины мира.

Цель исследования – обосновать статус автохтонного дискурса как синергического механизма порождения русского художественного текста.

Методы и материалы

Разработан метод дискурсивно-синергического анализа регионального РХТ, который включает в себя анализ внешнего (историко-культурного) и внутреннего (приемы микроконтекстуального анализа) контекстов на примере структуры и этапов формирования региональных концептов, а также способов их языковой репрезентации. В пределах двух типов контекста выявляются историко-культурные и внутритекстовые каналы синергического формирования и интерпретации смыслового содержания ХД. Используется дискурсивно-контекстуальная методика, предназначенная для выявления синергии автохтонного дискурса, элементы которого составляют смысловую структуру КС в РХТ. Материалом исследования служат тексты писателей русского Черноземья (И.А. Бунина, известного поэта-иеромонаха Романа, С.С. Бехтеева, В. Калуцкого, В. Федорова и др.), собранные в один сборник¹. Данный метод позволяет эксплицировать предтекстовую речемыслительную работу дискурсивного сознания – имманентного и репрезентативного типа.

Результаты

Научная значимость исследования предопределяется конвергенцией дискурсивно-синергической и нарративной эпистемологии применительно к конструктивному механизму дискурсивно-прагматического текстопорождения как сложной речемыслительной категории. Прежде всего, это такие эпистемологические феномены, как знание реальной картины мира, описываемой в РХТ, имеющиеся у автора суждения и предположения, ценностно-оценочные инсталляции, определяющие основополагающий способ дискурсивного порождения РХТ, характер виртуального бытия событийных реалий при интерпретации смыслового содержания порождаемого и воспринимаемого нарратива. Можно утверждать, что когнитивным основанием ХД служит само КС, а его конструктивными элементами – узловые опоры пережи-

---

¹ Белгородская область : история и современность. М. : Консалтинговая группа «Имидж-Контакт», 2007. 64 с.

ваемой ситуации: субъекты дискурсивной деятельности и иллюкативно реализуемая перформативность (прагматический компонент смыслового содержания РХТ).

Данный компонент отражает авторские интенции, которые, раскрываясь в контексте вербализуемых событий, создают семантико-прагматическую ситуацию текстопорождения социального, межличностного и коммуникативного характера. Кроме событийных элементов в состав ХД входят его несобытийные составляющие. Таковыми выступают: а) обстоятельства, которые сопровождают события; б) культурно-историческая панорама, на фоне которой данное событие описывается; в) аксиологические суждения персонажей, которые в событийном сценарии воплощают авторские интенции и т. п. В итоге сопряженной работы креативного и рецептивного сознаний формируются два уровня текстопорождающего дискурса: имманентного и репрезентативного.

Основным стимулом автохтонного текстопорождения служит дискурсивно-модусный концепт, своеобразие которого обуславливается его вторичным образованием. Мы различаем концепты: а) довербального происхождения; б) дискурсивно-производного типа.

Такое понимание дискурса позволяет рассматривать его в качестве когнитивного субстрата РХТ.

Обсуждение

1. Дискурсивная панорама коммуникативно-прагматической деятельности

В свете реализуемого подхода РХТ представляет собой целостное высказывание (язык в действии) или речевое произведение, являющееся продуктом речемыслительной деятельности двух сознаний – креативного (принадлежащий автору РХТ, который реализует свою многостороннюю деятельность по воплощению мысли в текст) и рецептивного (принадлежит воспринимающему субъекту). Воплощение мысли в текст осуществляется лингвокреативным сознанием с помощью некоего моделирующего механизма предтекстовой структуры. Лингвокреативное сознание текстопорождающего субъекта опирается на этноязыковую автохтонность, спонтанно встроенную в эпистему, – культурно-познавательное априори (Langacker, 1990; Van Hoek et al., 1999; Fairclough, 2009; Duranti, 1997; Foley, 1997; Muddiman, Stroud, 2017), задающее условия формирования лингвоэтнокультурной архитектуры текста.

Фундаментальной основой для рецептивного сознания выступает автохтонная эпистема, так как она связана с природой восприятия текста. Такое восприятие достаточно бесконечно, что обусловлено изменениями языкового сознания, о чем пишет А. Людвиг (Людвиг, 2003: 14–37).

Данное утверждение основано на проведенном В.Ф. Петренко эксперименте, описанном им в книге «Основы психосемантики» (Петренко, 2005). Результаты эксперимента позволили ему утверждать, что семантика слова, как правило, отражает отношения в системе языка и через эти отношения раскрывает свою дискурсивную сущность. В связи с этим переживания КС

и порождаемые ими ассоциативные связи трансформируют ментальный лексикон авторского сознания (Петренко, 2005).

Внедряясь в коммуникативное сознание автора текста, синергия автохтонной системы родного языка и умозрительного построения КС образует предтекстовую структуру, где мысленная схема КС подвергает прагматическим изменениям единицы автохтонного языкового сознания. Тем самым подтверждается мысль о том, что лексикон, формируя дискурсивное сознание, видоизменяет связи и отношения в концептосфере порождаемого текста (Лурия, 1982; Питерс, 2017; Miall, Kuiken, 1994; Genovesi, 2020; Gee, 2005).

Такого рода мысленная модель КС в современной когнитивной лингвопоэтике принято называть имманентным дискурсом. Он характеризуется тем, что включает в себя операцию артикуляции смысла внутри сознания. Тексты, порождаемые имманентным дискурсом, обладают внутренней смысловой связью. Имманентному (внутреннему) дискурсу присущ высокий уровень репрезентативности. Поэтому на этапе вербализации внутренний дискурс преобразуется во внешний. Если внутренний дискурс выстраивается лингвоэпистемами, хранящимися языковой памятью, то внешний конструируется в процессе текстопорождения.

Репрезентативный дискурс по своей природе является оязыковленным фрагментом реального события. Это актуализирует присутствующие в коммуникативном сознании все элементы коммуникативно значимого события, в результате которого осуществляется отбор языковых знаков для порождения текста (Левицкий, Савчук, 2007). В итоге формируется текстопорождающий дискурс.

2. Русский художественный текст в свете дискурсивного сознания

С помощью дискурсивного сознания осуществляется речемыслительная (предтекстовая) работа дискурсивного сознания имманентного и репрезентативного типа. Имманентный этап дискурсивной деятельности осуществляется единицами предметно-изобразительного кода, введенного в теорию текстопорождения Н.И. Жинкиным (Людвиг, 2003; Миллер, 2000). На репрезентативном этапе дискурсивное сознание оперирует единицами мыслекода (Колесов, 2007).

Именно на репрезентативном уровне объективируются и транслируются читателю представления автора о соответствующих фрагментах реальной картины мира. Формами такой репрезентации служат последовательно расположенные высказывания, связанные общей темой, основной мыслью и смысловой завершенностью. Исследовать и изучать РХТ следует с точки зрения: а) авторской логики; б) логики читательского восприятия. Такой двусторонний подход позволяет погрузиться в интеллектуально-эмоциональный контекст и интерпретировать основные механизмы дискурсивного сознания (Бахтин, 1979).

Представленное понимание синергии регионального ХД открывает путь к осмыслению: а) работы дискурсивного сознания по формированию структурной доминанты порождаемого РХТ; б) межличностного диалога – КС, отображаемого смысловой структурой текста, в котором, как утверждал

М.М. Бахтин, сосредоточена живая энергия русского текста и его подлинная сущностная характеристика (Бахтин, 1979). Объясняется это тем, что дискурс, моделирующий КС, объективирует синергию двух сознаний, воплощенную в РХТ.

Мысленное моделирование словесно-художественного дискурса – одно из основных феноменов лингвокреативной реальности. С ним непременно сталкивается человек, когда, приобщившись к РХТ, начинает интерпретировать образ мира, создаваемый писателем, сопоставлять его с «контекстом» субъективно воспринимаемой картины мира. В дальнейшем картина мира человека расширяется миропониманием родственных по этногенезу лингвокультур. В итоге словесно-художественный дискурс формируется в процессе конвергенции автохтонной (от др.-греч. αὐτός «сам» + χθών «земля») – туземной, местной, родственной – по этногенезу лингвокультурной синергии народной духовности.

Цель такого подхода к пониманию смыслопорождающих родников автохтонного миропонимания – поиск первоисточков традиционной лингвокультуры, экспликация ее наиболее лингвокреативных духовных (религиозных и светских) жизнесмыслов, заложивших основание русской духовно-нравственной самобытности (религиозного и народнопоэтического характера). Зафиксированная в РХТ дискурсивно интерпретируемая мысль в виде сопряженной цепи этнокультурных символов формирует ментальный каркас РХТ, в основании которого лежит региональный концепт.

Отметим, что региональный концепт представляет собой точку пересечения языковой когниции с опытом внеязыкового освоения мира, когда дискурсивная деятельность способствует реализации речемыслительной предтекстовой работы дискурсивного сознания, имманентного и репрезентативного типа.

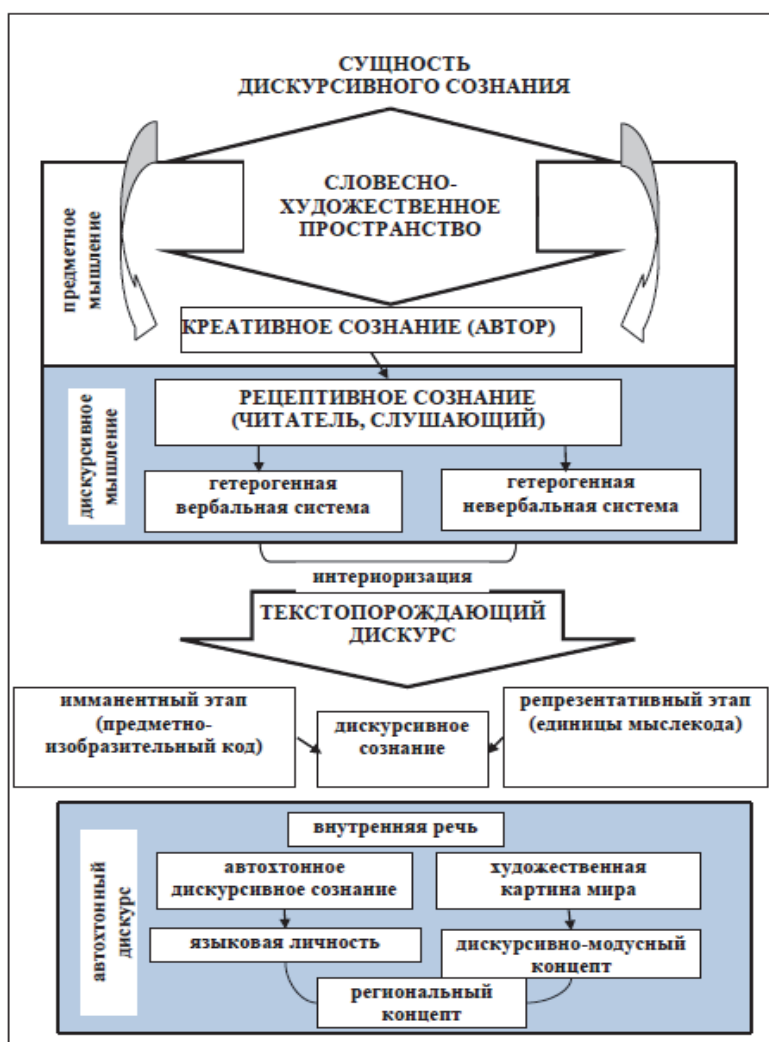
Базовой доктриной для исследования синергии автохтонного дискурса РХТ служат когнитивно-коммуникативные постулаты Тёна ван Дейка (Van Dijk, 1998; Van Dijk, Kintsch, 1983), в соответствии с которыми дискурс представляет собой сложную речемыслительную категорию, синтезирующую в себе конструктивные механизмы текстопорождения. Так, концепты довербального происхождения, собственно, и стали изначальным объектом внимания основоположников теории концептов (Аскольдов, 1997; Лихачев, 1997; Muddiman, Stroud, 2017; Uberman, 2016 и др.). Их довербальная природа была представлена главным образом метафорически как «туманное облако», «зародыш» мысли и т. п. Затем наступил период осмысления механизмов их «оязыковления» (Колесов, 2007). Даже стали появляться утверждения, что все концепты вербальны (Петренко, 2005; Степанов, 1995; 1997). Вскоре появилось компромиссное решение, согласно которому предлагалось различать авербальные (наивные, обыденные понятия, не подвергшиеся еще процессам лингвокреативного семиозиса) и вербальные (оязыковленные) концепты (Alefirenko et al., 2020; Голованова, Панкратова, 2015; Miall, Kuiken, 1994; Кабакова, 1993).

Когнитивный механизм, формирующий региональные концепты, как имманентный дискурс проектируется типами предметно-изобразительного кода,

а элементы мыслекода конструируются типами репрезентативного дискурса (Алефиренко, 2019; Колесов, 2007). К таковым относим внутреннюю речь, оперирующую концептами, внутренними словами и предикатами.

Концепт, по образному выражению В.В. Колесова, есть «зерно перво-смысла», служащее семантическим «зародышем» словесного знака (Колесов, 2007). Внутреннее слово – микрокосм сознания, воплощение разума, оператор перво-смысла, логотэпистема – представление предмета мысли в дискурсивном сознании в виде образа. Внутреннее слово – своего рода двуликий Янус: с одной стороны, с помощью мысли сближает внутреннее слово с образом, а с другой – с речевым знаком (внешним словом).

В обобщенном виде когнитивный механизм концептуализации, формирующий региональные концепты, представлен на рисунке.

Сущностная характеристика дискурсивного сознания

Выбор определенного способа и перспективы видения мира в анализе региональных концептов предполагает возможность оценки фактов сквозь

призму реализации внутреннего слова с помощью слова внешнего. Вот как описывает «зерно первосмысла» И.А. Бунин в рассказе «Ночь»: *«О чем я думаю? Решился я испытать разумом все, что делается под солнцем; но это тяжелое занятие дал бог сынам человеческим, чтобы они мучили себя. Бог сотворил людей разумно, но, увы, люди пустились в большую затейливость». И Екклезиаст отечески советует: «Не будь слишком правдив и не умствуй слишком». Но я все «умствую». Я «слишком правдив»².*

Рассуждая (пока без речевых знаков) о том или ином фрагменте КС, коммуникант осуществляет интериоризацию (воплощает в словесном знаке не все элементы мысли, а лишь основные, особо значимые для данного КС). Поскольку же, как известно, основным элементом мысли служит предикат, то именно он во внутренней речи выполняет функцию лингвосемиозиса. Внутреннее слово приобретает здесь личностный, сугубо субъективный смысл, отображающий жизненный опыт коммуниканта. Причем внутреннее слово включает в себя как элементы мысли, которые получают словесное знакообозначение, так и те, которые создают его имплицитный потенциал.

Тексты второго, репрезентативного, типа отражают объективное представление о соответствующих фрагментах реальной картины мира. В романе «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунин пишет: *«Я опускаю окно. Тепло дует солнечный ветер, паровозный дым южно пахнет каменным углем. Она прикрывает глаза, солнце горячими полосами ходит по ее лицу, по играющим возле лба темным молодым волосам, по простенькому ситцевому платью, ослепительно озаряя и нагревая его. В долинах под Белгородом милая скромность празднично-цветущих вишневых садов, мелом белеющих хат. На вокзале в Белгороде ласковая скороговорка хохлушек, продающих бублики. Она покупает и торгуется, довольная своей хозяйственностью, употреблением малорусских слов. Вечером, в Харькове, мы опять меняем дорогу»³.*

Структурирующими автохтонный модуль словесно-художественного дискурса единицами выступают художественные этноконцепты, способные представлять лингвокультурный образ мира. Извлеченные из анналов этноязыковой памяти, такие концепты способны выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов (Миллер, 2000). Этому способствуют онтологические свойства художественных этноконцептов, репрезентируемых языковыми средствами, содержащими региональные словесные маркеры. Такого рода автохтонные свойства этноконцептов, вызывая категоризацию элементов КС, с одной стороны, определяют регионально маркированные идиостилистические черты того или иного писателя, с другой – специфику образной ауры этноязыковой картины мира. Н.Ф. Алефиренко, З.Х. Шахпутова отмечают, что «ретроспективное воспроизведение синергичных каналов порождения словесно-художественного дискурса позволяет выявлять: а) дискурсивные модели субъективного опыта писателя; б) внутреннюю форму вербальных маркеров его миропонимания;

² Бунин И.А. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 5. Божье древо : рассказы. М. : Воскресенье, 2006.

³ Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева : роман. М. : Воскресенье, 2006. С. 220.

в) идиостилистические предпочтения и коммуникативное поведение того или иного автора (Алефиренко, Шахпуртова, 2020: 4–5).

Следовательно, этнокультурный дискурс есть сложное коммуникативно-когнитивное образование, содержащее в себе не только поэтические тексты региональных авторов, но и отраженные в них различные экстралингвистические смысловые модули: этномаркированные знания, общественно значимые мнения и ценностные установки.

Связь этноязыкового сознания и образного мышления осуществляется, прежде всего, через когнитивную метафору, значение которой в произведениях региональных авторов обусловлено дискурсивно-модусным фоном, определяющим характер нарративной деятельности. Словесная метафора, как показывают наши предыдущие исследования РХТ (Алефиренко, Nurtazina, 2018), будучи речемыслительным образованием, воплощает смысл когнитивной метафоры (Толстой, 1995; Abdel-Raheem, 2000), являясь репрезентантом тех или иных ассоциативно-смысловых образов, составляющих ядро этнокультурной коннотации. Прежде всего, метафорические образования в текстах произведений писателей того или иного региона выполняют функцию смысловой доминанты лексического значения метафоры.

Этнокультурная коннотация – продукт дискурсивно-модусного толкования в этнокультурном сознании образно мотивированного значения метафоры. Механизм перерождения форм предметно-чувственного отражения в элементарные смыслы (семы) метафорического значения состоит в преобразовании факультативных и фоновых признаков первичного значения лексемы. Данные признаки в автохтонном дискурсивном сознании автора формируют интенциональные семы, в которых фокусируются ментальные признаки регионального концепта.

Этнокультурное своеобразие региональных концептов отражается в семантике языковых единиц всех структурных уровней языка. Особую роль, разумеется, играет лексикон писателя, отражающий его принадлежность к автохтонной культуре. В ХД писателей русского Черноземья доминантным мегаконцептом выступает наивное понятие «чернозем». Ср.: «Белгородский чернозем – сдобный рождественский пирог»⁴. Смысловым ядром этой словесной метафоры выступает сема «чернозем». Автохтонное дискурсивное сознание порождает латентные семы (микросмыслы): «рассыпчатый», «воздушный», «сдобный» [пирог]. Индивидуально-авторское сочетание метафорических слов в тексте В.У. Калуцкого – результат возникновения в автохтонном дискурсивном сознании писателя устойчивой сети ассоциативно-образных и экспрессивно оценочных отношений, вызываемых, с одной стороны, краевыми реалиями («чернозем – сдобный рождественский пирог»), а с другой – социокультурным контекстом данного дискурсивно-модусного концепта.

Приведенные выше коннотативные и этнокультурные признаки устойчивых когнитивных эпитетов, характеризующих мегаконцепт «белгородская земля» (сдобность, рыхлость, жирность), порождаемых предметно-чувст-

---

⁴ Калуцкий В.У. И мы там пили мед (возвращение в былое). Белгород : Крестьянское дело, 2003. 136 с.

венным образом «белгородский чернозем», трансформируя его в поэтический концепт. В текстах произведений писателей русского Черноземья ассоциативно-образный слой метафоры активизируется с помощью тех когнитивных эпитетов, которые позволяют автору выразить дополнительный этнокультурный смысл. Ярким примером этому служит сравнение чернозема с салом в повести В. Федорова «Марс над Козачьим Бором». Данное сравнение обусловлено дискурсивной структурой описания быта слобожанского села, в котором сало служит символом семейного достатка. Ср.: «В неведомом Белогорске меловые горы – сахарные, а жирный чернозем – сало»⁵. Данное сравнение отнюдь не случайно. Лоснящийся от плодородных компонентов чернозем в художественном воображении писателя напоминает сало. Это, в свою очередь, мотивирует возникновение эпитета «жирный чернозем» – символа плодородия Слобожанской земли. Такого рода этнокультурно-маркированный смысл порождается и, соответственно, обуславливается авторской дискурсивно-модусной интерпретацией КС.

3. Лингво-семиологический механизм текстопорождения

Дискурсивное сознание формирует некий гештальт (целостный образ), состоящий из двух ярусов: а) бытийного, фиксирующего живую динамику дискурса и его предметно-чувственные образы; б) рефлексивного, отображающего собственные переживания коммуникантов, трансформирующего узусные значения в индивидуально-авторские (окаzionaliальные) смыслы.

Лингво-семиологический подход к тексту вызван также назревшей необходимостью исследовать механизмы вербализации когнитивной метафоры в словесно-художественных произведениях региональных писателей. Несмотря на то, что метафора издавна является одним из самых излюбленных авторами риторических приемов образной художественной речи, она долгое время воспринималась только как яркое изобразительно-выразительное средство. Для лингво-семиологического аспекта автохтонного дискурсивного пространства метафора важна как емкий когнитивный феномен (Колесов, 2007; Филипс, Йоргенсен, 2004; Левицкий, Савчук, 2007; Ricoeur, 1971; Schiffrin, 1990). Такая метафоризация, во-первых, определяет глубокие категориальные изменения в системе представлений регионально маркированной картины мира, во-вторых, служит средством адаптации к региональной лингвокультуре общенациональных моделей миропонимания.

Поскольку в современной лингвопрагматике речевое действие представляет собой знаковую модель объективируемой в тексте действительности, назрела двоякая необходимость. Во-первых, в лингвокультурологической интерпретации прагматических отношений между языковыми знаками и субъектами речемыслительной деятельности (автором и читателями); во-вторых, в осмыслении специфики когнитивно-прагматической метафорики (Лакофф, 2004; Widdowson, 2004; Alefirenko, Nurtazina, 2018) в регионально маркированном РХТ. В когнитивной метафоре этнолингвокультуры своеобразно проявляются когнитивно-дискурсивные механизмы вторичного семи-

⁵ Федоров В. Сумка, полная сердец : повести. Воронеж : Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1978. 269 с.

озиса, определяющего собой суть дискурсивно-прагматического подхода к изучению знаков косвенной номинации, основанной на когнитивной метафоре. Синергия лингвокогнитивных и лингвопрагматических ресурсов РХТ обеспечивается его антропоцентрической сущностью. Когнитивно-прагматическая интерпретация КС базируется на трихотомическом единстве основных дискурсивных субстанций: язык – речевое общение – человек.

Связь этноязыкового сознания и образного мышления осуществляется, прежде всего, через словесную метафору, значение которой в РХТ неотделимо от прагматической установки порождаемого высказывания, определяющей стратегические векторы нарративной деятельности (Толстая, 1996; Genovesi, 2020; Stamou, 2018; Gee, 2005; Torfing, 2005; Muddiman, Stroud, 2017; Kneepkens, Zwaan, 1994).

Перспективной задачей в синергийном моделировании словесно-художественного дискурса является определение роли так называемых автохтонных концептов, особо значимых при их вербализации словами-маркерами этнического пограничья типа. Ярким примером тому может служить автохтонный концепт «Слобожанщина». Данный концепт в такой лексической репрезентации – один из самых магических феноменов восточнославянской лингвокультуры, объективированных и в русском, и в украинском языковом сознании. В нем, используя пушкинскую перифразу, «так много для сердца русского слилось, так много в нем отозвалось»! Поскольку данное выражение является интертекстуальным и адаптировано нами к локальному концепту «Слобожанщина», прилагательное «русский» в стихотворении А.С. Пушкина в региональном контексте ассоциируется со своим изначальным производящим *Русь* как земля отцов с мотивирующими, символическими и патерналистскими признаками русской лингвокультуры.

Даже у человека, не обладающего этимологическими познаниями, слово «Слобожанщина» вызывает ощущение когнитивно-прагматической когерентности регионального фрагмента мира. В анналах языковой памяти данный региональный концепт вызывает когнитивные образы фреймового характера: «слободы – местечки, населенные людьми свободного состояния», а слобожане – «жители слободы». Поскольку же концепт «Слобожанщина» непосредственно появился на основе изначальных концептов русского сознания – «свобода» и «воля», отличающихся особым автохтонным смысловым богатством, тесно связанным с социокультурными условиями быта и бытия русских, определяющих их сущность, то его смысловая аура в обыденном этноязыковом сознании воспринимается как «страна слобод», территория вольности, земля свободных людей.

Уже этот пример показывает, что исследование этнокультурной специфики регионального мыслекода охватывает широкий спектр проблем, связанных с функциональным взаимодействием языка, этноязыкового сознания, региональной культуры и словесно-художественного творчества. Этнокультурные маркеры языкового сознания объективируют актуальные для народнопоэтического дискурса региональные образы. Их исследование позволит воссоздать речевой портрет этноязыковой личности, обладающий определенной совокупностью этнокультурных маркеров языкового сознания. Выявление маркеров в тексте не-

обходимо для осмысления этнокультурного своеобразия языковой личности, таковой, какой является языковая личность известного поэта-иеромонаха Романа:

Белые Церкви плывут в бесконечности,
О, Кладенцы неземной Чистоты!
Непокоренные Граждане Вечности,
Белые Церкви, Святые Кресты.
Вас не касаются запахи тленные.
Белые Церкви – Твердыни Вселенных
Не устоите – развалится мир⁶.

Автору присуще синергичное видение картины мира в ее духовно-нравственном воплощении. Поэт употребляет слово-концепт «кладенцы» в морально-нравственном контексте. Изначально из народной русской поэзии известен концепт «кладенец» – меч, взятый из клада. Он принадлежал героям русского фольклора. Согласно преданиям, кладенец был в древности могучим орудием, мечом, способным одним ударом повергнуть даже самого грозного противника. В русском народнопоэтическом творчестве меч-кладенец – атрибут русского богатыря. Без него трудно представить Илью Муромца, Добрыню Никитича или витязя-великана Святогора.

Однако уже в древнерусском дискурсе предметное значение стало приобретать черты концепта – смыслового ядра метафорического дискурса: «дух, стерегущий клады и сокровища». В дискурсе поэта-иеромонаха кладенцы – не убиенное орудие, а символ неземной Чистоты, святости (святые – непокоренные Граждане Вечности). Кладенцами поэт называет также такие символы православия, как Белые церкви и Святые Кресты. Церковь (от греч. *kyriakon*) – дом Господний, Христово Царство, в которое он вводит тех, кого избрал *Своими детьми* и кто избрал *Его своим Отцом*.

Эпитет *белые* избран поэтом не случайно, поскольку подавляющее большинство церквей домонгольской Владимирской земли возводилось из белого камня. Белокаменное строительство на Руси было принято в XII веке при Юрии Долгоруком. Во Владимире, Суздали и Москве культовые здания из белого камня сооружались более трехсот лет. Белый цвет символизировал всяческие блага, радость, чистоту, здоровье, приумножение потомства, мир и согласие. Его называли светоносным и чистым, безмятежным. Впрочем, и в дохристианскую эпоху белизна символизировала добрых духов и богов, тогда как черный цвет был атрибутом злых демонов. Белые одежды и украшения очищали и приобщали к добру.

Поэтому «белые церкви» в их бесконечном существовании иеромонах Роман сравнивает с концептом «кладенцы». С ним ассоциируются духовные Твердыни Вселенных: Белые Церкви, Святые Кресты, вечность, что, понимается, отличает идиостиль поэта-иеромонаха. Патриотический камертон автора настроил его идиостиль на сопряжение народнопоэтических и религиозных маркеров, обусловившее распредмечивание реалий. Так, слово «*твердыня*» – у автора это уже не крепость, укрепление, а духовный оплот и опора.

⁶ Белгородская область : история и современность. М. : Консалтинговая группа «Имидж-Контакт», 2007. 64 с.

Такой остов духовности поэт называет Твердынями Вселенными («*Не устоите – развалится мир*»).

Как показывает вышеприведенный отрывок, представляется важным и перспективным дальнейшее изучение регионального концепта как системы, которая позволяет осуществить многоаспектный подход к данному феномену, особенно с точки зрения выделения наиболее значимых компонентов, и тем самым схематизировать весь полученный опыт. Как полагает В.Г. Куликов (Куликов, 2005), рассматриваемые концепты весьма своеобразны с точки зрения когнитивной структуры и потому отличаются от чувственных образов, образных схем и фреймов, так как своеобразие региональных концептов лежит в плоскости взаимосвязи их в плане отражения связи языкового и экстралингвистического знания. Мы солидарны с мнением о том, что «когнитивный механизм, лежащий в основе процесса формирования региональных концептов, отражает общие свойства человеческого сознания выбирать точку отсчета во времени и пространстве» (Куликов, 2005: 14).

Средством такой связи автохтонного концепта с широким контекстом региональной культуры служит структура когнитивной матрицы, которая позволяет «выбирать определенную перспективу или способ видения окружающего мира, сравнивать и сопоставлять поступающую информацию, фильтровать поступающую информацию и фокусировать внимание на наиболее значимых ее компонентах» (Куликов, 2005: 14): от «*меча-кладенца*», Белых Церквей и Святых Крестов – до Твердынь Вселенных и Вечности. Вехами региональной лингвокультуры являются регионально маркированные культураны, которые, в отличие от слов, содержат не только языковые значения, но и внеязыковые (предметно-культурные) смыслы, выражаемые соответствующим словом или фразеологизмом «*Слобожанщина*», «*святое Белогорье*».

Собственно, совокупность регионально маркированных лингвокультурем и представляет собой региональную культуру. Так, культураны «Святое Белогорье» состоит из самого языкового знака в билатеральной амальгаме его звукового образа и концепта. В любой культураны языковой знак в целом является обозначающим, а обозначаемым – называемые реалии: широкая панорама православных храмов, чудотворных икон, часовен, монастырей, целебных источников и других святынь, то есть все, что имеет ценностно-смысловое содержание: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т. п.

Но, пожалуй, ядром данной культураны следует назвать образ святости и обобщенный образ святого. Об этом задушевно рассуждает поэт С.С. Бехтеев:

Иным путем идут святые
К высокой цели неземной.
И, побеждая зло любовью,
Как Божьи ратники-борцы,
Родные мученики кровью
Стягают славные венцы⁷.

⁷ Белгородская область : история и современность. М. : Консалтинговая группа «Имидж-Контакт», 2007. 64 с.

Отличительной чертой автохтонных концептов является их когнитивно-матричная структура из нескольких доменов (концептуальных областей). Понятие когнитивной матрицы, введенное Р. Лангакером, было предназначено для репрезентации смысловых конфигураций, служащих когнитивным субстратом семантики регионально маркированных слов и фразеологизмов (Langacker, 1990), их смыслообразующей базой. Когнитивная матрица обеспечивает связь локального концепта с соответствующими доменами. Домены представляют собой ментальный опыт в виде концептуальных комплексов (Langacker, 1990: 147). Вспомним: *«Как Божьи ратники-борцы, / Родные мученики кровью / Стягают славные венцы»*⁸.

Региональные концепты не являются атомарными, некими изолированными единицами языка мысли. Диапазон и глубина смыслового содержания региональных концептов зависит от имеющихся в этнокультурном сознании фоновых знаний. В когнитивной лингвокультурологии их называют доменами (Duranti, 1997: 23–25; Foley, 1997; Salzmann, 1993). Их аналогами в лингвистике служат контекстуальные пресуппозиции. Средством доступа к ним являются лексические (или фразеологические) значения во взаимодействии с речевым контекстом. Следовательно, выявление маркеров региональной лингвокультуры происходит в обратном направлении: от семантики слов (фразеологизмов) – к их когнитивным субстратам: доменам (контекст) – локальным концептам и когнитивной матрице. Когнитивная матрица выводит в светлую зону нашего сознания те ассоциативно-смысловые связи, которые через ментальный опыт народа показывают значимость региональных концептов в формировании автохтонной языковой картины мира.

Заключение

Итак, автохтонная картина мира ХД объективирует различные типы эпистем. Это не только знания о «материнских» реалиях, но и виртуальные представления о сопредельных регионах, отношения автохтонных эпистем к мировым духовным ценностям. Важной составляющей языковой картины мира провинции является собственно дискурсивное моделирование писателями КС. Когнитивным основанием дискурсивного пространства служит региональная концептосфера. В качестве перспектив данного исследования следует назвать выявление дискурсивно-прагматической специфики автохтонного мыслекода. В этом ракурсе ждут своего обоснования: 1) понятие «региональный мыслекод», служащее механизмом формирования этноязыкового сознания носителей русской лингвокультуры; 2) этнокультурологическая интерпретация средств выражения генетического мыслекода в нарративно-дискурсивных построениях. Реализация этих задач необходима для понимания «семенного логоса» провинциальных родников общерусской лингвокультуры. Обращение к анализу автохтонных концептов открывает путь к более глубокому пониманию и осмыслению вариабельной природы языка и его когнитивных механизмов.

⁸ Белгородская область : история и современность. М. : Консалтинговая группа «Имидж-Контакт», 2007. 64 с.

Результаты исследования могут быть использованы для автохтонного обоснования духовно-нравственного потенциала региональных антропоцентрических истоков русской языковой ментальности. Перспективой проведенного исследования следует признать необходимость изучения в структуре ХД способов репрезентации концептов сложной синергийной сущности, сочетающих в своей смысловой конфигурации вербальный и невербальный опыт общения. Для вербализации синергийной природы такого рода концептов русский язык располагает достаточно гибкими ресурсами дискурсивного лингвосомиозиса – знаками, способными выполнять функции косвенно-производного обозначения дискурсивной ситуации.

Косвенно-номинативная сущность таких знаков определяется их способностью ассоциативно вызывать в дискурсивном сознании вторичную дискурсивную ситуацию, что объясняется лингвокреативностью русского дискурсивного сознания. Когнитивное мышление – основа дискурсивно-модусного моделирования РХТ – позволяет автору выстраивать новые ассоциативно-образные конфигурации благодаря устойчивой соотнесенности продуктов лингвосомиозиса с денотативно-автохтонными структурами первичного коммуникативного события.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. Дискурс : смыслопорождающий механизм текста : монография. Градец-Кралове : Gaudeamus, 2019. 228 с.
- Алефиренко Н.Ф., Шахнуртова З.Х. Автохтонная синергия дискурса художественного текста // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве : сб. статей Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. С.А. Хаврониной. М. : РУДН, 2020. С. 3–6.
- Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность : от теории словесности к структуре текста : антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 267–279.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
- Голованова Л.Н., Панкратова Е.Н. Лингвокреативность как свойство языкового сознания личности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 191–206.
- Кабакова Г.И. Французская этнолингвистика : проблематика и методика // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 18–26.
- Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. 640 с.
- Куликов В.Г. Локальные концепты в концептуальной системе языка // Вестник ТГУ. Проблемы теории и методологии. 2005. № 4 (40). С. 12–22.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Левицкий А.Э., Савчук И.И. Ситуация как когнитивно-коммуникативная форма представления знаний в языке и речи // Проблемы представления репрезентации в языке : типы и форматы знаний : сб. науч. тр. М. : Ин-т яз. РАН; Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина. 2007. С. 171–177.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 280–287.

- Лурия А.Р. Культурные различия и интеллектуальная деятельность // Этапы пройденного пути : науч. автобиограф. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 47–69.
- Людвиг А.М. Измененные состояния сознания / под ред. Ч. Тарта. М. : Эксмо, 2003. С. 14–37.
- Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–46.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005. 480 с.
- Питерс Б. Прикладная этнолингвистика – это лингвокультурология, но лингвокультурология ли? // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 37–50.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века : сб. статей. М. : ИЯ РАН, 1995. С. 35–73.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 838 с.
- Толстая С.М. Этнолингвистика // Институт славяноведения. 50 лет. М., 1996. С. 235–248.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 512 с.
- Филипп Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков : Гуманитарный центр, 2004. 336 с.
- Alefrenko N., Nurtazina M. Metaphorical discourse : in search for the essence of speech imagery // Cuadernos de Rusística Española. 2018. Vol. 14. Pp. 49–65. <https://doi.org/10.30827/cre.v14i0.6366>
- Alefrenko N., Nurtazina M., Shakhputova Z. Linguistic episteme as a discourse-generating mechanism of speech // Utopía y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25 (extra 12). Pp. 438–463.
- Abdel-Raheem A. Mental model theory as a model for analysing visual and multi-modal discourse // Journal of Pragmatics. 2020. Vol. 155. Pp. 303–320. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.09.012>
- Chrzanowska-Kluczevska E. Possible worlds – text worlds – discourse worlds and the semiosphere // Tyumen State University Herald. Humanities Research. 2017. Vol. 3. Issue 3. Pp. 35–57. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-3-35-57>
- Duranti A. Linguistic anthropology. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 397 p.
- Fairclough N.A. Dialectical-relational approach to critical discourse analysis // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer, London : Sage, 2009. Pp. 162–186.
- Foley W. Anthropological linguistics : an introduction. Oxford : Blackwell, 1997. 495 p.
- Genovesi C. Metaphor and what is meant : metaphorical content, what is said, and contextualism // Journal of Pragmatics. 2020. Vol. 157. Pp. 17–38.
- Gee J.P. An introduction to discourse analysis : theory and method. New York – London : Routledge, 2005.
- Hirsch F. Empire of nations : ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca – London : Cornell University Press, 2005. 367 p.
- Kneepkens E.W., Zwaan E.M. Emotions and literary text comprehension // Poetics. 1994. Vol. 23. Pp. 125–138.
- Langacker R.W. Subjectification // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. Pp. 5–38. <http://dx.doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.5>
- McCarthy K.S., Goldman S.R. Constructing interpretive inferences about literary text : the role of domain specific knowledge // Learning and Instruction. 2019. Vol. 60. Pp. 245–252.
- Miall D.S., Kuiken D. Beyond text theory : understanding literacy response // Discourse Processes. 1994. Vol. 17. Issue 3. Pp. 337–352.

- Muddiman A., Stroud N.J.* News values, cognitive biases, and partisan incivility in comment sections // *Journal of Communication*. 2017. Vol. 67. Pp. 586–609.
- Ricoeur P.* What is a text? Explanation and interpretation // *Mythic-symbolic language and philosophical anthropology in the thought of Paul Ricoeur*. Hague : Nijhoff, 1971. Pp. 138–151.
- Salzmann Z.* Language, culture and society. An introduction to linguistic anthropology. Oxford : Westview, 1993. 356 p.
- Schiffrin D.* The language of discourse : connections inside and out // *Text*. 1990. Vol. 10. Pp. 97–100.
- Stamou A.G.* Discourse, context & media synthesizing critical discourse analysis with language ideologies : the example of fictional discourse // *Discourse, Context & Media*. 2018. Vol. 23. Pp. 80–89.
- Torfiging J.* Discourse theory : achievements, arguments, and challenges // *Discourse theory in European politics: identity, policy and governance* / ed. by D. Howarth, J. Torfiging. New York, 2005.
- Uberman A.* Death in metaphorical language // *Lege Artis. Language Yesterday, Today, Tomorrow. The Journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. 2016. Vol. I. Issue 2. Pp. 171–211.
- Van Dijk T.A.* Ideology : a multidisciplinary approach. London : Sage, 1998.
- Van Dijk T.A., Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension. New York : Academic Press, 1983.
- Van Hoek K., Kibrik A.A., Noordman L.* Discourse studies in cognitive linguistics. Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1999. 201 p.
- Widdowson H.G.* Text, context, pretext : critical issues in discourse analysis. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell Publishing, 2004. 185 p.

Сведения об авторах:

Алефиренко Николай Федорович, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Член фразеологической комиссии (РАЕ), Международного комитета славистов, семи редакционных советов и редколлегий. Подготовил 55 докторов и кандидатов наук для России, Китая, Египта, Чехии. Член международного гранта по академической мобильности профессоров (университеты Польши, Чехии, Казахстана). Автор 14 монографий, более 300 публикаций, 20 научных проектов. *Сфера научных интересов*: общее языкознание, лингвокультурология, когнитивная семантика и фразеология, методика преподавания языков. E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Нуртазина Марал Бекеновна, почетный работник образования Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. Лауреат премии Алтынсарина Министерства образования и науки Республики Казахстан за лучший научный труд, обладатель грантов Fulbright (США) и DAAD (Германия). Читала лекции в университетах США, Германии, Венгрии, России и др. Автор более 300 научных публикаций. *Сфера научных интересов*: функциональная грамматика, когнитивная лингвистика, прикладная лингвистика, билингвизм, методика преподавания языков. E-mail: nurtazina_mb@enu.kz

Шахпуртова Зухра Хаджимуратовна, докторант PhD кафедры теоретической и прикладной лингвистики, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. *Сфера научных интересов*: дискурс-анализ, когнитивная лингвистика, прагматика, инновационные методы обучения иностранным языкам. Автор 35 научных публикаций. E-mail: zukhrakhad@mail.ru

Autochthonous synergy of Russian literary discourse

Nikolay F. Alefirenko¹, Maral B. Nurtazina²✉, Zukhra Kh. Shakhputova²

¹*Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation*

²*L.N. Gumilyov Eurasian National University,
2 Satpaieva St, Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan*

✉ nurtazina_mb@enu.kz

Abstract. The paper is aimed at describing the convergent effect of the interaction of several linguistic consciousness sense-forming channels, when their joint nonlinear impact significantly exceeds the total potential of individual elements of discursive activity. The texts of Russian Chernozem region writers are studied. The novelty of the research is that the role of the conjugate work of creative and receptive minds forming the two levels of autochthonous text-generating discourse (immanent and representative) is revealed and evaluated. It is proved that the efficient mechanism of autochthonous text generation is the synergy of the discursive-modus concept – the phenomenon of nonlinear discursive activity. The idea is substantiated that immersion in the synergistic architectonics of the discursive-modus concept opens the way to understanding the playful origin of the author's linguistic consciousness: his abilities through the system of content (aesthetic, modal, expressive, etc.) and formal linguistic means to embody the strategic vision in a unique, non-trivial and creative way. The paper proposes a compromise solution to distinguish between the synergy of averbal (naive, trivial, folk concepts that have not yet undergone the processes of linguo-creative semiosis) and verbal (linguistic) concepts. This served as the platform for applying a linguo-epistemic approach to regional literary concept which allows to implement the convergent synergy of two types of concepts, thereby contributing to understanding the literary discourse as the cognitive basis of text generation process.

Keywords: Russian literary discourse, text, autochthonous synergy, regional concept, discursive consciousness, Russian distinctive linguistic culture

Article history: received 05.04.2021; accepted 18.06.2021.

For citation: Alefirenko, N.F., Nurtazina, M.B., & Shakhputova, Z.Kh. (2021). Autochthonous synergy of Russian literary discourse. *Russian Language Studies*, 19(3), 253–270. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270>